

Чи Яньчжи вышел из кабинета врача легкой походкой.

Цифра, которую назвал доктор, раньше не показалась бы ему чем-то значительным, но теперь всё было иначе... Чи Яньчжи признавался себе, что прежде тешил себя призрачной надеждой, думал, что можно вылечиться, но сейчас он вдруг осознал: отсутствие надежды — это не так уж плохо.

По крайней мере, теперь ему достаточно просто принять результат, не изводя себя напрасными мечтами.

Стоило настроению улучшиться, как и физическая боль стала не такой невыносимой. Выйдя из здания больницы, Чи Яньчжи сфотографировал солнце и выложил снимок в соцсети с подписью:

— Малыш, поправляйся скорее.

Затем он зашел в больничную столовую, купил порцию рисовой каши и вернулся в палату.

Когда он вошел, Лу Хэн просматривал что-то в телефоне. Чи Яньчжи опустил откидной столик и поставил перед ним кашу:

— Поешь немного.

Лу Хэн отбросил телефон в сторону и, подняв лицо, посмотрел на Чи Яньчжи:

— А ты не будешь?

— Я поел на улице.

Это была ложь. Аппетита не было вовсе.

Лу Хэн поверил, взял одноразовую ложку и послушно принялся за еду. Реальность вновь наложилась на воспоминания: Лу Хэн словно увидел себя из прошлой жизни — тогда Чи Яньчжи так же терпеливо кормил его с ложечки свежесваренной кашей.

— Врач запретил тебе другое, будь послушным, — приговаривал тогда Чи Яньчжи, как с маленьким ребенком. — Когда поправишься, я приготовлю тебе всё, что ты любишь. Хорошо?

Если бы это было до развода, Лу Хэн, нетерпеливый и раздражительный, давно бы перевернул стол и ушел. Но теперь, на пороге смерти, они оба прекрасно понимали: Лу Хэн уже никогда не поправится.

На самом деле Лу Хэн знал, что Чи Яньчжи очень хотел в последние дни жизни побаловать его вкусной едой, но боялся, что неподходящая пища причинит ему еще больше страданий. В те времена Чи Яньчжи мучился гораздо сильнее, чем сам больной.

Чи Яньчжи стоял в стороне и молча наблюдал за тем, как Лу Хэн ест. Он давно не видел его за едой и теперь замер, словно стараясь запечатлеть этот момент в своей памяти навсегда.

Лу Хэн чувствовал присутствие Чи Яньчжи. Тонкий, горьковатый аромат цитрусовых окутал его, отчего сердце сжалось от боли.

Горечь от того, что он только что обрел и вновь должен потерять, подступила к горлу, и крупные слезы закапали прямо в тарелку с кашей.

Холодная рука мягко легла ему на плечи, и рядом раздался спокойный голос:

— Слезы с кашей — это вкусно?

Чи Яньчжи повернул лицо Лу Хэна к себе и платком вытер его слезы, но те лились всё сильнее. Он никогда не попадал в подобные ситуации и не знал, как утешить плачущего альфу. Инстинктивно он выпустил успокаивающие феромоны, осторожно притянул голову Лу Хэна к себе и принялся поглаживать его по спине:

— Почему ты так плачешь? Очень больно? Врач прописал обезболивающее, доедай скорее и выпей лекарство.

Двадцатичетырехлетний S-классовый альфа ростом метр девяносто рыдал в объятиях омеги, которого вот-вот должен был потерять, как брошенный щенок. Его феромоны черного дерева тоже начали выходить из-под контроля.

Пациент с соседней койки терпел-терпел, но не выдержал:

— Ты можешь хоть немного подумать о чувствах тех, чей уровень ниже твоего?

Лу Хэн был так увлечен рыданиями, что ничего не услышал. Пришлось Чи Яньчжи извиняться за него и приклеить на шею Лу Хэна блокатор феромонов.

— Перестань плакать, — глаза Чи Яньчжи покраснели от жалости, он взял Лу Хэна за подбородок, заставляя поднять лицо. — Такой большой альфа, а ревешь — не стыдно перед людьми?

— Я... у-у-у, я жену теряю, что мне теперь, и не поплакать? — Лу Хэн с мольбой посмотрел на Чи Яньчжи. — Неужели нельзя дать мне еще один шанс? Я буду послушным... обещаю, я буду

вести себя хорошо.

Чи Яньчжи промолчал.

Лу Хэн занервничал еще сильнее и начал сбивчиво уверять:

— Дай мне еще один шанс... я больше не буду гулять, буду каждый день стирать и готовить дома... умоляю.

Чи Яньчжи держал его лицо в ладонях, глядя на безостановочный поток слез, и чувствовал растерянность. Неужели это он довел Лу Хэна до слез?

— Лу Хэн, не из каждой точки можно вернуться назад, — произнес Чи Яньчжи жестокие слова, но голос его звучал невероятно мягко. — Раньше ты хотел расстаться, теперь я согласился. Разве ты не должен быть счастлив?

Лу Хэн качал головой, роняя слезы, и всем своим видом умолял не бросать его.

На душе у Чи Яньчжи было тяжело. Если бы была возможность, он бы принял Лу Хэна, но теперь у них не осталось шансов, будущего больше не существовало.

По фарфорово-бледной щеке Чи Яньчжи скатилась прозрачная слеза, и он сдавленным голосом спросил:

— Чего ты от меня хочешь? Лу Хэн, можно хоть раз позволить мне принять решение?

— Не плачь, — Лу Хэн дрожащими пальцами смахнул его слезу. — Я был неправ, не буду давить на тебя. Подумай еще... хорошо?

Почему, если им обоим так больно расставаться, они всё равно должны это сделать?

Лу Хэн постепенно успокоился, голос его охрип:

— Тогда... Янь-гэ, когда меня выпишут, давай вместе навестим бабушку, а? Дедушка недавно скончался, я так и не успел ее поведать. Ей сейчас совсем нехорошо... просто будь рядом ради меня.

— Нет, — Чи Яньчжи заставил себя проявить твердость. — Прими мои соболезнования по поводу дедушки. Но мы же договаривались: если дедушки не станет... мы разведемся. Лу Хэн, ты ведь не из тех, кто нарушает свои обещания.

И правда. Он говорил, что ненавидит этот брак, и договорился с Чи Яньчжи о разводе. Когда Чи Яньчжи спрашивал, можно ли не разводиться, он уходил, не оглядываясь, и вернулся лишь после смерти деда. Он действительно не был человеком, который берет свои слова назад.

Лу Хэн разочарованно опустил голову:

— Ладно.

Он был неправ. Когда он только переродился, то чувствовал боль, но был уверен, что Чи Яньчжи так сильно его любит, что стоит лишь проявить слабость, как тот его простит. Он даже не рассматривал вариант, что Чи Яньчжи может не повернуть назад.

Но он не собирался сдаваться — так же, как Чи Яньчжи не сдался ради него в конце своей прошлой жизни.

Атмосфера в палате постепенно сгущалась, отчего Чи Яньчжи стало трудно дышать.

— Слышал, ты в больнице... — высокий альфа с огромной корзиной фруктов вальяжно вошел в палату. — Охренеть, ты что, не в одноместной палате лежишь?

Следом за ним вошел еще один альфа в кепке, темных очках и маске, закрывавшей лицо, — он прижимал к груди огромный букет цветов. Услышав слова первого, парень в очках невольно отступил на шаг.

Странное молчание было нарушено их появлением. Чи Яньчжи поднялся, чтобы уступить им место:

— У меня дела, я пойду.

Лу Хэн открыл рот, но так и не решился попросить его остаться.

Как только Чи Яньчжи ушел, в палате стало шумно. Еще издали был слышен зычный голос Гу Цинчжоу:

— Ого, глаза-то красные! Что, такая уж невыносимая боль?

Лу Хэн тут же ошетинился:

— Ты что в этом понимаешь?

Чи Яньчжи, слушая его по-детски обиженный голос, лишь беспомощно покачал головой и

вошел в лифт.

Ся Сюнь, парень в очках, помолчал немного и предложил:

— Может, переведемся в другую палату?

Лу Хэн отрезал:

— Нет! Эту койку мне моя жена выбрала!

Гу Цинчжоу безжалостно разоблачил его:

— Вообще-то, больница распределила их случайным образом.

<http://bllate.org/book/20237/2016175>